

Трансформация публичного пространства в условиях революции: взгляд из перспективы Ханна Арендт*

Алексей Саликов

Кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: dr.alexey.salikov@gmail.com

Алексей Жаворонков

Кандидат филологических и философских наук, старший научный сотрудник
Института философии РАН
Адрес: Гончарная ул., д. 12, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация 109240
E-mail: outdoors@yandex.ru

Настоящая работа посвящена исследованию взаимосвязи публичного пространства и революции, двух центральных понятий политической философии Ханна Арендт. Эта взаимосвязь играет ключевую роль в арендтовской теории революции, поскольку основной смысл революции — в освобождении от гнета и завоевании свободы, в разрушении старого политического пространства и создании нового, необходимого для проявления свободного действия. Главная цель нашего исследования заключается в установлении теоретической состоятельности идеи Арендт о влиянии революции на публичное пространство, как с точки зрения ее теоретической непротиворечивости и обоснованности, так и с позиции ее универсальности и адекватности для объяснения и понимания современных революционных событий. Для проверки полученных в теоретической части работы выводов об актуальности теории революции Арендт в работе предпринимается попытка использовать ее перспективу для рассмотрения нескольких примеров современных революций. Как показывает произведенный в рамках исследования анализ, тезисы Арендт относительно причин неудач революций, отсылающие к конкретным историческим примерам, начиная с XVIII века и заканчивая серединой XX века, во многом обоснованы, но в некоторых пунктах могут быть оспорены. В свою очередь, анализ конкретных современных примеров показывает, что применимость арендтовской теории в качестве базовой конструкции для анализа причин и следствий революций ограничена и нуждается в серьезной ревизии и коррекции, хотя и обладает рядом существенных достоинств.

Ключевые слова: Ханна Арендт, революция, публичное пространство, насилие, социальный вопрос, коммуникация

© Саликов А. Н., 2018

© Жаворонков А. Г., 2018

© Центр фундаментальной социологии, 2018

DOI: 10.17323/1728-192X-2018-1-9-29

* В данной научной работе использованы результаты проекта «Реакция, справедливость и прогресс: социальный порядок в перспективе фронетических социальных наук», выполняемого в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2018 году.

Понятие «публичное пространство» — одно из центральных в политической философии Ханны Арендт, начиная с «Истоков тоталитаризма» и «Vita activa» и заканчивая большинством ее поздних трудов. В философских публикациях 1950-х и 1960-х годов, в особенности в работах «О революции» и «Венгерская революция и тоталитарный империализм», а также в «Между прошлым и будущим», «Источках тоталитаризма», «Vita activa», «О насилии» и не в последнюю очередь в разговоре Арендт с Карло Шмидом на Северогерманском радио (см.: Арендт, Шмид, 2016; Саликов, 2016) это понятие раскрывается в том числе в контексте анализа феномена революции.

В чем же состоит связь между революцией и публичным пространством у Арендт? Когда в V веке до н. э. Демокрит утверждал, что существуют лишь атомы и пустота, эта мысль была революционной: для того чтобы было нечто — нужно еще и ничто. Поскольку для существования тел и для их движения необходимо пространство, любое действие возможно лишь при наличии пространства, в котором оно может происходить. Этот факт хорошо понимала и Ханна Арендт, когда, говоря о политике, подразумевала и необходимость наличия места, в котором могли бы происходить политические действия. Пространство публичности есть место, в котором, согласно Арендт, совершается политика, а человек может быть по-настоящему свободным. В свою очередь, свобода, где бы она ни существовала в качестве осязаемой реальности, «пространственно ограничена», т. е. нуждается в пространстве (Арендт, 2011: 384). К тому же быть свободным можно только в присутствии других, а для этого «необходима определенная территория, на которой люди могли бы собираться вместе, — политическое пространство» (Арендт, 2011: 35). Более того, свобода — это и есть возможность действия. Соответственно, если мы говорим о свободе политической или публичной, что для Арендт одно и то же, то свобода означает возможность действия и говорения в публичном пространстве. Когда такая возможность отсутствует или ограничена, складываются условия для революции, которая в понимании Арендт является реакцией людей на недостаток свободы и представляет собой попытку радикального преобразования общественной сферы. Поэтому истинной целью революции Арендт считает создание пространства свободы, публичного пространства, в котором всем была бы гарантирована свобода действия. Согласно этой трактовке, ценность революции заключается в том, что в ней заключен истинный дух политического и что она является основанием чего-то нового.

В настоящем исследовании мы ставим своей целью определить состоятельность тезисов Арендт о влиянии революции на публичную сферу и дать оценку ее теоретической и практической значимости, т. е. определить ее способность быть действенным инструментом для описания феномена революции в целом (см. также: Salikov, Zhavoronkov, 2017). Эта задача предполагает два ключевых шага. В первой части статьи мы критически проанализируем вывод Арендт о воздействии революции на публичную сферу, а также аргументы, приводимые ею в текстах, посвященных теме революции. Во второй части мы верифицируем выводы Арендт

на материале современных революций и сделаем заключение о ее эффективности в качестве теории, описывающей феномен революции.

1

Понятие публичного пространства, без которого невозможна политическая деятельность, обладает у Арендт двумя основными характеристиками. Во-первых, пространство публичности — это intersубъективное пространство, которое, в отличие от пространства физического, образуется не предметами, а коммуникативными связями и взаимодействием между людьми. Оно общее для его участников, не является ничьей собственностью и в равной степени принадлежит им всем. Пространство публичности возникает там, где люди, общаясь и совершая поступки, взаимодействуют друг с другом: «...действие и говорение учреждают некое пространство „между“, не привязанное ни к какой родной почве и способное распространиться повсюду в обитаемом мире. Пространственное „между“ есть пространство явленности (видимости) в широчайшем смысле, пространство, возникающее благодаря тому, что люди тут являются друг перед другом и не просто имеют место, как другие одушевленные или неодушевленные вещи, но именно выступают с открытым лицом» (Арендт, 2000: 263). Явленность, о которой говорит Арендт, — это обнаружение себя, своей позиции по вопросам обустройства общего для всех мира и тем самым представление себя и своей сущности «для других». Лишь проявляя себя перед другими, являя себя миру, человек становится видим и слышим для них.

Во-вторых, пространство публичности является местом, в котором люди открыто высказывают свое мнение и хотят быть услышаны другими. Пространство публичности не возникает автоматически везде, где есть несколько человек, и лишь по той причине, что люди являются существами, способными говорить и совершать поступки. Напротив, даже там, где оно существует, большинство предпочитает оставаться вне его. В публичном пространстве проявляется свобода. Это место, в котором возникает власть и возможны суждения и действия, поскольку в нем возможно проявление человеческой множественности. Оно соединяет и разъединяет одновременно, подобно тому как стол одновременно разделяет и соединяет тех, кто сидит вокруг него (Арендт, 2000: 69).

Следует, однако, учитывать, что Ханна Арендт строго разделяет частную и публичную сферу, четко и строго отграничивая политику от всех других областей человеческого бытия. В отличие от личного, публичное пространство является множественным, т. е. содержит в себе большое число самых разнообразных, нередко противоречивых точек зрения. Именно эта множественность и создает реальность, которая «возникает, наоборот, оттого, что, невзирая на все различия позиций и вытекающую отсюда множественность аспектов, очевидно все же, что все заняты одним и тем же делом. Если это тождество дела распадается и становится уже неощутимо, то никакая одинаковость „человеческой природы“ и уже

подавно никакой искусственный конформизм массового общества не помешают распаду общего мира на осколки» (Арендт, 2000: 75).

Лишь публичное пространство может гарантировать то, чего никогда не сможет чистая приватная жизнь. Суть приватного, частного заключается в отсутствии других. В частной жизни человек ведет себя так, как если бы никаких других не существовало бы, его действия в приватной сфере не имеют никакого значения для сферы публичной, и они не касаются никого, кроме самого человека (Арендт, 2000: 58). Одновременно с этим частная жизнь дает личное пространство, которое является условием для возможности проявить себя в пространстве публичности. Публичное и личное пространства дополняют друг друга и являются неотъемлемыми частями жизненного пространства в целом. Отсутствие или недостаток в любом из них вызывает болезненное ощущение и негативно влияет на качество и содержание человеческой жизни.

Отсутствие доступа к публичному пространству (как, впрочем, и ущемление личного пространства), как уже говорилось выше, вызывает ощущение несвободы. В своей работе «О революции» Арендт пишет о том, что человек, ощущающий себя несвободным, несчастен — и это несчастье толкает его на борьбу за свое освобождение. Так из желания несвободных людей обрести свободу возникают условия для революции. Иными словами, революция возникает как реакция определенной части граждан на отсутствие или недостаток свободы. При этом под свободой, по Арендт, следует понимать как свободу от нищеты и физического принуждения, так и свободу действия в политической сфере, т. е. публичную свободу. Первоначально целью восставших является не разрушение старого политического пространства, а скорее его переформирование в такое, в котором бы обеспечилась всеобщая свобода и равенство, отсутствие господства одних над другими.

Важно отметить, что Арендт проводит различие между свободой и освобождением: для нее устранение гнета и приобретение гражданских прав, завоеванных в результате освобождения, — это еще не свобода (Арендт, 2011: 97). Революция может освободить человека от оков, но для того, чтобы дать ему свободу, она должна обеспечить для нее место — пространство публичности. Таким образом, для того, чтобы революция была успешной, она должна решить две задачи: негативную, т. е. освободить человека, и позитивную — дать ему свободу и пространство для ее реализации.

Препятствием на пути свободного действия в публичном пространстве является бедность. Для Арендт бедность означает не только материальную нужду: это состояние порабощения, состояние отсутствия субъектности в политическом смысле слова. Крайняя нужда заставляет человека посвящать все свое время поиску средств к существованию, не давая ему возможности совершать действия в публичном пространстве. Бедняки задавлены необходимостью удовлетворять физические потребности, что лишает их любой политической способности (ср.: Moruzzi, 2000: 20). Надежда на освобождение от бедности толкает массы на участие в революции и к свержению прежнего режима. Однако свержение старого

режима ведет лишь к возможности создать свободу, но не решает социальных проблем. В этом, по Арендт, заключается причина, по которой столь многие революции, в том числе и Французская, так и не достигли своей цели. В ходе революций происходила подмена ее цели: вместо свободы главным становилось счастье, материальное благополучие людей. Однако для Арендт счастье или материальное благополучие не может быть целью политического действия. Свобода — вот единственный смысл политики: при помощи политики и посредством мышления в парадигме средство-цель невозможно ни решить социальные проблемы, ни ликвидировать бедность. Более того, пишет Арендт, «еще ни одна революция не смогла решить „социальный вопрос“ и освободить человека от бремени его потребностей» (Арендт, 2011: 151). Причина не только в том, что невозможно решить социальный вопрос политическими средствами: даже если люди оказывались способны добиться материального благополучия в результате революции, это не приводило к их участию в политической жизни (Арендт, 2011: 90). В результате свободное время тратилось на все что угодно, но только не на действие в публичном пространстве. Поэтому освобождение от материальной нужды — например, от потребности зарабатывать себе на жизнь — это важное предварительное условие свободы, дающее свободное время для дальнейшего обретения свободы, но свобода от нужды не должна быть целью революции.

Освобождение ассоциируется у Арендт с насилием. Насилие может быть средством для освобождения, а освобождение, в свою очередь, может быть целью на первом этапе революции, на этапе восстания, но не конечной целью революции: ведь «цель революции — основание свободы» (Арендт, 2011: 193). Революция, как и война, связана с насилием, отличаясь этим от всех других политических феноменов: «Одной из причин, почему войны столь легко превращаются в революции и почему революции столь склонны к провоцированию войн, является, несомненно, то, что насилие выступает своеобразным общим знаменателем обеих» (Арендт, 2011: 15). Насилие, полагает Арендт, может быть использовано для основания нового политического образования или для реформирования коррумпированного (Arendt, 1968: 139). Здесь может показаться, будто Арендт противоречит сама себе, принимая во внимание ее твердое убеждение, что насилие — это не политический феномен. Однако это не так: как справедливо отмечает, в частности, Аннабель Херцог, для Арендт насилие, используемое для основания чего-то нового, еще не является политическим по той простой причине, что политика начинается только с того момента, как прекращается насилие (Herzog, 2017: 171). Вполне возможно действовать против несправедливости, используя насилие, но подобные действия не будут политическими, потому что настоящая политика нуждается в действии и говорении, которые несовместимы с насилием (см.: Kim, 2013: 396). Другое дело, что насилие может быть минимизировано, принимая относительно мирные формы: гражданское неповиновение закону, правителям, институтам, отказ в поддержке и согласии (Арендт, 2014: 57–58). Но даже подобное минимальное насилие, необходимое для разрушения старой власти, способствует групповому

консенсусу, улучшает согласованное взаимодействие между людьми (Herzog, 2017: 171). Подобным образом этот консенсус необходим и для основания новой власти, потому что власть — это способность действовать совместно, проявляющаяся только в группе людей: «Власть (power) соответствует человеческой способности не просто действовать, но действовать согласованно. Власть никогда не бывает принадлежностью индивида; она принадлежит группе и существует лишь до тех пор, пока эта группа держится вместе» (Арендт, 2014: 52). Решающим фактором здесь является уровень слабости действующего правительства. Арендт полагает, что революция есть следствие дезинтеграции власти в государстве (Арендт, 2014: 58). Если правительство не обладает достаточной властью, если его власть рушится, возможны революции. Однако «распад власти часто становится явным только при прямом столкновении; и даже тогда, когда власть уже валяется на улице, требуется какая-то группа людей, готовая к такому повороту событий, чтобы эту власть подобрать и принять на себя ответственность» (Арендт, 2014: 58).

Революция оказывается промежуточным моментом, временем перехода от старого публичного пространства к новому, точкой между прошлым и будущим. В ходе революции происходит уничтожение старого и учреждение нового пространства публичности. Однако сам момент перехода от старого пространства к новому проблематичен. Невозможно мгновенно уничтожить старое и создать новое. Революция не полностью уничтожает публичное пространство: скорее она разрушает единое пространство политического в государстве. При этом публичное пространство не может отсутствовать ни в один из моментов времени: ведь в нем нуждается сама революция для своей реализации. Публичное пространство, в котором разворачивается революция, возникает в виде советов (рабочих на фабриках, военных в армии), собраний городских и сельских общин и т. д. Эти локальные собрания на местах Арендт считает пространствами свободы для народа. Подобные советам образования, подчеркивает Арендт, возникали в ходе всех революций: во Франции, в России, в Венгрии и т. д. Они заполняли собой вакуум, возникавший после устранения старого режима и старого публичного пространства. В какой-то момент они становятся единственным средоточием власти в океане анархии. Советы, с одной стороны, вносили определенный порядок в образовавшийся хаос, но, с другой стороны, не подчинялись никакой высшей инстанции. Для Арендт именно эти элементарные республики, или советы, являются единственным реальным местом, где каждый мог быть свободен в позитивном смысле слова (Арендт, 2011: 355).

Удается ли революции достичь своей цели и обеспечить народ пространством свободы в долгосрочной перспективе? В ходе анализа феномена революций Арендт приходит к неутешительному выводу: до сих пор ни одной революции не удалось реализовать свою основную цель, создать постоянные места для свободы, элементарные публичные пространства с гарантированным доступом для любого гражданина страны, своего рода «элементарные республики». Завершением революции становится учреждение республики с ее центральными органами

власти, где действующими субъектами являются представители народа, но не сам народ. Элементарные же публичные пространства — в виде советов, собраний городских и сельских общин — постепенно теряют свою силу и перестают быть местом публичной политики, а становятся в лучшем случае административными единицами, подчиненными центральной власти, местом решения социальных вопросов. В худшем случае они упраздняются. Арендт подчеркивает, что ни в одной современной республике не предусмотрено пространство свободы в том смысле, в каком оно задумывалось изначально, для создания которого и производилась революция (Арендт, 2011: 322). Ни во Франции, ни в России в результате революции не удалось трансформировать публичное пространство в истинное пространство свободы. Даже Американская революция, которую Арендт считает удачной, в отличие от Французской и многих других последующих революций, не смогла создать системы общедоступного пространства публичности. Арендт резюмирует: «...хотя революция и дала народу свободу, ей не удалось обеспечить пространство, где бы свобода могла реально существовать» (Арендт, 2011: 326). В результате революции не сам народ, но лишь его выборные представители получают возможность заниматься политической деятельностью.

В своих работах Арендт называет несколько причин, по которым революции не удается создать необходимое для реализации свободы публичное пространство. В качестве первой в этом ряду можно назвать противоречие между парламентом, как источником и центром власти партийной системы, и народом, уступившим власть своим представителям (Арендт, 2011: 344). Это противоречие проявляется и в конфликте между представителями партии власти и учредительными собраниями, состоявшими из избранных представителей советов на местах. Арендт обнаруживает этот конфликт везде, «где рожденные революцией советы обращались против партии или партий, единственной целью которых была революция» (Арендт, 2011: 370). В итоге в ходе революции «элементарные республики» постепенно утрачивают свою конститутивную власть: она переходит к органам центральной власти, а советы со временем теряют свою значимость в качестве политического пространства. Этот процесс Арендт иллюстрирует на примере революций во Франции и Америке. В ходе Французской революции система советов вступила в конфликт с партийной системой. Во время революции возникло большое количество народных обществ и клубов, различного рода органов местного самоуправления, в том числе и знаменитые сорок восемь секций, сформировавшие со временем революционный муниципальный совет, Парижскую коммуны. В форме революционных народных обществ коммунальная система советов распространилась по всей Франции. Долгое время советы считались носителями духа революции, отождествляемой с духом публичности. Однако после прихода к власти Робеспьера началась война против народных обществ под предлогом единства и неделимости «великого народного общества французского народа». В итоге якобинцам удалось установить контроль над народными обществами, а первые органы республики оказались раздавленными центральным револю-

ционным правительством (Арендт, 2011: 342). Местом нахождения власти снова оказался парламент, а не народ (Арендт, 2011: 345). В Соединенных Штатах после победы революции городские общины и собрания, которые и представляли собой пространство свободы, не были инкорпорированы в конституцию образовавшейся федерации штатов. В итоге «публичные дела нации были препоручены Вашингтону и велись федеральным правительством. Однако правительства штатов и административные машины округов были слишком громоздки и неповоротливы, чтобы сделать возможным непосредственное участие; делегаты народа, а не сам народ, образовывали политическое пространство, тогда как те, кто делегировал их и кто теоретически был единственным законным носителем власти, навсегда остались за дверьми» (Арендт, 2011: 349–350).

Итак, Арендт видит причину поражения системы советов во внешнем воздействии со стороны партийной системы и центральных органов власти. Однако, как нам представляется, объяснение этому может быть и другим. В ходе революции потребность в участии в публичной политике испытывала лишь небольшая и наиболее активная часть населения, в то время как большая и менее активная его часть была заинтересована лишь в решении социальных вопросов. Поэтому политически активная часть постепенно перешла к профессиональному занятию политикой, в качестве представителей народа в соответствующих органах разного уровня. Более пассивная часть населения, в свою очередь, вполне удовлетворилась тем, что советы превратились в институты решения социальных проблем. Иными словами, не столько народ был лишен пространства для свободы, сколько произошел естественный процесс расслоения населения на политически активную часть и политически пассивную. Сама Арендт в «О революции» занимает элитистскую позицию, утверждая, что место в публичном пространстве должны занимать те, кто испытывает в этом потребность и готов тратить свое время и силы на политическую деятельность. «С точки зрения политики», утверждает Арендт, «они лучшие, и задача хорошего правления и признак хорошо устроенной республики состоит в том, чтобы они смогли занять место в публичной сфере, принадлежащее им по праву. Конечно, такая в подлинном смысле слова „аристократическая“ форма правления означала бы конец всеобщим выборам в том смысле, в котором мы понимаем их теперь» (Арендт, 2011: 390). В подобного рода элитарности политической деятельности Арендт не видит проблемы: ее она усматривает в том, что «политика стала профессией и карьерой и что „элита“ тем самым избирается в соответствии со стандартами и критериями, которые по своей сути являются неполитическими» (Арендт, 2011: 388). Таким образом, причина, по которой Арендт возражает против установления партийной системы представительства, заключается в профессионализации политики, из-за чего умирает сам дух политического. С другой стороны, в ответ на это возражение возникает неизбежный вопрос, возможно ли в принципе организовать общество, республику с большой территорией, без профессиональных политиков?

Второй причиной неудачи революции является излишняя концентрация власти в руках центральных органов власти, которую Арендт иллюстрирует на примере Американской революции. В ходе Американской революции «townhall meetings» (городские общины и собрания), эти демократические школы народа, не были учтены в Конституции образовавшейся федерации Штатов. В итоге «на основании Конституции публичные дела нации были препоручены Вашингтону и велись федеральным правительством. Однако правительства штатов и административные машины округов были слишком громоздки и неповоротливы, чтобы сделать возможным непосредственное участие; делегаты народа, а не сам народ образовывали политическое пространство, тогда как те, кто делегировал их и кто теоретически был единственным законным носителем власти, навсегда остались за дверьми» (Арендт, 2011: 349–350). Следует отметить, что Арендт в целом права, указывая на то, что практически ни одной революции не удается избежать перекоса баланса власти в сторону центральных органов власти. Связано это, по всей видимости, с вынужденной защитой нового государства от внутренних или внешних врагов. Это, во-первых, требует хорошей координации и единого центра власти, а во-вторых, выдвигает на первый план военные и экономические вопросы, отодвигая политическую повестку на задний план.

Третьей причиной краха отдельных революций, например революции во Франции, Арендт называет подмену политических вопросов социальными. Как замечает Арендт, «страсть к публичной, или политической свободе легко можно спутать с другой, более горячей страстью — лютой ненавистью к господам, тоской угнетенных по свободе» (Арендт, 2011: 170). Отсюда и частое смешение политических и социальных требований в ходе революции, в результате чего «уничтожается революция в смысле основания новой государственной формы, т. е. пространства свободы» (Арендт, Шмид, 2016: 64). В какой-то момент, пишет Арендт, «революция изменила свое направление: свобода более не являлась ее целью, целью стало счастье народа» (Арендт, 2011: 97). Тем не менее «еще ни одна революция так и не смогла решить „социальный вопрос“», и все они, за редким исключением, в итоге потерпели неизбежное поражение вследствие террора, при помощи которого они это пытались сделать (Арендт, 2011: 151). В изложенных выше аргументах Арендт просматривается строгое разделение между политикой и экономикой, часто критикуемое арендтоведами за свою искусственность (см.: Benhabib, 1996; Bernstein, 1986; Pitkin, 1981). Многочисленные примеры дают основание полагать, что, вопреки мнению Арендт, экономические причины революции тесно связаны с политическими: экономическое бедствие, социальные проблемы становятся не менее значимой причиной, побуждающей широкие народные массы на восстание, чем стремление к приобретению политических прав и свобод. Свободное действие в публичном пространстве невозможно без освобождения от гнета нужды и тяжелого труда, не оставляющего времени для политической деятельности.

Наконец, в качестве причины неспособности революции выполнить свое предназначение Арендт указывает на вмешательство извне, произошедшее, например,

в Венгрии. Венгерская революция потерпела неудачу не по причине внутренних факторов, а из-за подавления ее Советским Союзом. Хотя трудно не согласиться с Арендт в том, что Венгерская революция была подавлена армиями стран Варшавского договора, но это, впрочем, еще не означает, что она не потерпела бы неудачу от внутренних причин в дальнейшем: для того, чтобы давать какие-либо общие оценки перспектив и итогов этой революции, она должна была бы продлиться более длительное время. Тем не менее интервенция, даже в случае ее успешного отражения, бесспорно, является фактором, негативно влияющим на внутренние процессы, протекающие в революционном государстве. Прежде всего это относится к вынужденной и чрезмерной централизации и милитаризации новой республики, к так называемой «революционной необходимости», которой она оправдывается. В результате такой трансформации политические дебаты откладываются на более позднее время, а на передний план выступают военные и экономические вопросы. В качестве примера можно привести Октябрьскую революцию и последующую за ней интервенцию: в условиях необходимости отразить внешнюю агрессию власть от народных советов быстро перешла к центральным революционным органам Советской России.

Итак, в работах Арендт мы обнаружили четыре основных причины неудачи революции по созданию настоящего пространства свободы. Три из них обусловлены внутренними факторами, а одна — внешними. Внутренние причины неудачи революции Арендт связывает с подавлением системы советов партийной системой и центральными органами власти, а также со смещением фокуса революции с политических вопросов на социальные. Здесь, как показывает анализ, утверждения Арендт не вполне справедливы. Подавление системы советов со стороны партийной системы и центральной власти обусловлены внутренней логикой становления республики и связанной с этим неизбежной централизацией власти, необходимостью концентрации власти в одном месте для эффективной защиты против внешних и внутренних врагов, что оставляет в компетенции советов лишь «социальные» проблемы. Кроме того, естественен и отток политически активных участников революции с низового уровня публичной политики на более высокий, что в итоге и приводит к ослаблению советов. Тезис Арендт о смещении цели революции с политических вопросов на социальные также не выглядит до конца убедительным и может быть оспорен: примеры революций XX и XXI веков доказывают, что обе эти сферы неразрывно связаны и решение одних из них невозможно без решения других. Что касается внешней причины поражения революции, с ней сложно не согласиться: интервенция является очевидным негативным фактором влияния на ход революции.

Одним из наиболее важных условий, которые должна выполнять философская теория или идея, претендующая на то, чтобы оставаться актуальной с течением вре-

мени, является способность адекватно описывать новую реальность, не вступая в конфликт с собственными основаниями. Прояснив вопрос об основаниях арендтовской идеи революции, предполагающей четкое различие между успешными и неудачными революциями, мы можем перейти к вопросу о ее актуальности. Его рассмотрение будет разбито на два этапа. Сначала мы достаточно прямолинейно расширим список предложенных Арендт примеров и кратко охарактеризуем три современных революции, которые, на наш взгляд, лучше всего подходят под предложенные Арендт критерии описания. Положительные и негативные результаты нашего анализа мы затем используем для прояснения и уточнения основных тезисов Арендт, привлекая для этого дополнительные ресурсы ее философии.

Как уже было упомянуто ранее, заданные Арендт критерии успешной революции столь строги, что под них не вполне подходит ни одна революция прошлого. В то же время в краткосрочной и долгосрочной перспективе каждая из упоминаемых ею революций имеет отличные от других следствия, приводящие в конечном счете к увеличению свободы политического действия. Этот специфический критерий относительного успеха позволяет, по логике Арендт, сравнивать одну революцию с другой. Если мы хотим задать себе вопрос о применимости основных тезисов Арендт к некоторым современным революциям, равно как и к не упомянутым ею революциям прошлого, нам потребуется вернуться к отправной точке ее аргументации, для того чтобы определить границы предложенной ею концепции революций.

В своем разговоре с политологом Карло Шмидом, посвященном недавнему выходу ее книги «О революции», Арендт настаивает на необходимости отличать «настоящие» революции от альтернативных форм социальных и политических преобразований, некоторые из которых традиционно принято называть революциями. Так, Культурная революция в Китае, согласно Арендт, не может считаться настоящей, поскольку в ее основе лежал не социальный импульс снизу, а, напротив, организованное сверху движение, по крайней мере в своей начальной фазе инициированное и направляемое Коммунистической партией Китая. Кроме того, арендтовская идея революции намеренно исключает из рассмотрения такие принятые выражения, как «Коперниковская революция» или «Кантовская революция». Еще одно ограничение задано хронологическими рамками: говоря об истоках европейской идеи революции, Арендт подчеркивает, что революции возникли лишь в XVII–XVIII вв., а до этого происходили восстания, целью которых было заменить плохого правителя на лучшего, но не упразднить саму структуру властных отношений. В дальнейшем мы будем придерживаться предложенных Арендт хронологических границ — с XVII века до нашего времени, — дополняя список предложенных ею ключевых примеров (Французской, Американской, Октябрьской и Венгерской революции).

Вполне очевидно, что истоки и отличительные черты каждой революции всегда уникальны¹. Это обстоятельство, однако, нисколько не мешает нам обратиться к вопросу о том, какие революции могут служить примером существенных изменений публичной сферы. Поскольку не все революции XVII–XXI вв. отвечают предложенным Арендт критериям, дополнительный список потенциальных «кандидатов» оказывается относительно коротким. Наиболее свежими примерами являются революции в Тунисе и на Украине. В свою очередь, самым первым примером революции, с некоторыми оговорками, оказываются ключевые события Английской гражданской войны (1642–1651), а также последующих четырех десятилетий, вплоть до так называемой «Славной революции» 1688 года, поскольку эти события приводят к кратковременному упразднению монархии и служат катализатором развития английского парламентаризма.

Хотя Арендт прямо называет XVII век отправной точкой своей хронологии революций, она редко упоминает о единственном заметном примере из этого периода — Английской гражданской войне, которая впервые в европейской истории завершилась осуждением и казнью монарха². Причина осторожности Арендт, по всей видимости, заключается в опасении понятийного смешения, о котором она упоминает в беседе с Карло Шмидом: «настоящая» Английская революция, завершившаяся упразднением монархии, часто не называется таковой³, а слово «революция» парадоксальным образом употребляется для описания процесса восстановления монархии в 1688 году (Arendt, 1965: 51–52). Кроме того, Арендт, возможно, учитывает и долгосрочные последствия революции: гражданская война в Англии в конечном счете не смогла обеспечить полную отмену института монархии и привела лишь к росту авторитета парламента, хотя это и уменьшило социальную напряженность (последнее, несомненно, является важным достижением, в особенности если сравнивать события в Англии с Французской революцией). И хотя в этом свете совершенно не удивительно, что Английская революция не получает у Арендт статуса ключевого примера, она все же играет не последнюю роль в ее аргументации — в качестве прелюдии к Французской и Американской революциям. Неоднократно встречающиеся у Арендт прямые и косвенные упоминания о судьбе Карла I представляются, таким образом, вполне объяснимыми.

К наиболее интересным примерам, способным пополнить предложенный Арендт список, относятся Июльская революция 1830 года во Франции, ряд евро-

1. Тем не менее вполне возможно — по крайней мере, в определенных случаях — говорить о структурных сходствах между отдельными революциями, произошедшими в один и тот же период (будь то, например, европейские революции 1848–1849 годов или революции «арабской весны»).

2. Важным исключением является не учтенное в русском переводе немецкое издание «О революции», в котором Карл I назван врагом свободы политического действия своих граждан (Arendt, 1965: 313; пер. мой. — А. Ж.): «...так говорили многие абсолютные правители — и не в последнюю очередь (не худшим образом) Карл I, которого Англия отдала под суд и который объявил в свою защиту, что свобода человека „состоит в том, что им управляют законы, гарантирующие ему жизнь и собственность; она не состоит в участии в управлении, это ее не касается“. В этих словах мы слышим смертный приговор всем органам, в которые спонтанно объединяется народ».

3. Эта особенность характерна в первую очередь для англоязычной традиции.

пейских революций 1848–1849 года, Мексиканская революция, Египетская революция 1919 года, Кубинская революция, события Пражской весны 1968 года, Иранская революция, революция в Никарагуа, а также революция 1989 года в Румынии. Впрочем, из перспективы арендтовского анализа лишь немногие из них можно назвать даже относительно успешными: ведь речь у Арендт идет не просто о победе сторонников революции, а о возрастании свободы политического действия. В этом смысле Германская революция 1848–1849 года потерпела неудачу в тот момент, когда было распущено Франкфуртское национальное собрание, а его члены подверглись политическим преследованиям. Мексиканская революция, начавшаяся в 1911 году, переросла в долгосрочную гражданскую войну, унесшую сотни тысяч жизней, пока в 1920 году наконец-то не удалось организовать полноценные, всеобщие президентские выборы. Египетская революция 1919 года добилась лишь небольших успехов: внесла вклад в формирование парламентской системы, она не привела к независимости Египта. Революции на Кубе и в Иране, по сути, способствовали возникновению авторитарных режимов в форме однопартийных государств. Наконец, Пражская весна, подобно Венгерской революции, завершилась интервенцией советских войск, но в случае с Чехословакией эти войска были усилены контингентами стран Варшавского пакта.

Чтобы ответить на вопрос об актуальности концепции Арендт, мы рассмотрим три недавних (или относительно недавних) примера, которые — по крайней мере, на первый взгляд — лучше всего отвечают ее идее революции: Румынскую революцию 1989 года, революцию 2011 года в Тунисе и Украинскую революцию (Евромайдан 2013–2014 годов). В качестве единственной не мирной революции, совершившейся в ходе распада СССР и Организации Варшавского договора, Румынская революция представляется «классическим» для Арендт примером. Уже в своей начальной стадии мирные гражданские протесты в Румынии сопровождались актами насилия, совершавшимися как режимом Чаушеску, так и представителями оппозиции. Ключевая фаза революции началась с попыток Чаушеску насильственно подавить декабрьские протесты в Тимишоаре, а закончилась его осуждением без суда и быстрой казнью. Характер и темп событий наглядно иллюстрирует атмосфера вокруг последней публичной речи генерального секретаря Румынской коммунистической партии, произнесенной им 21 декабря, вскоре после трагических событий в Тимишоаре: Чаушеску говорит о прошлых достижениях «социалистической революции», а в этот же момент, в том числе и в непосредственной близости от его дворца в Бухаресте, происходят революционные, но уже антикоммунистические волнения. Стремительно развивавшаяся Румынская революция имеет сразу несколько отличительных особенностей, совпадающих с упомянутыми у Арендт. Она начинается в форме протестов «снизу» и сопровождается формированием местных советов. Кроме того, ее главной целью является достижение политической свободы⁴, дающей гражданам возможность проводить

4. Подробнее см.: Siani-Davies, 2005: 286.

внутриполитические реформы. Впрочем, эта цель так и не была достигнута, поскольку на первых «свободных» выборах 1990 года отсутствовала реальная политическая конкуренция⁵, а избранный президент Ион Илиеску, как и его преемник, без энтузиазма отнеслись к решению вопроса о тщательном и детальном расследовании событий 1989–1990 годов. Исследователи Румынской революции (например: Hutter, 2015: 57–59) справедливо констатируют недолговечность ее результатов, во многом нивелированных новой, постсоветской автократией, заимствовавшей свои ключевые элементы у советской и досоветско-монархической системы правления. Именно отмеченный выше недостаток существенных обновлений является наиболее важным фактором, не позволяющим считать Румынскую революцию образцовой иллюстрацией относительно успешной революции по Арендт. Более того, неспособность — и нежелание — сформировать в 1990 году правительство, представляющее широкий спектр публичных позиций и мнений, прямо противоположны арендтовской трактовке публичной роли индивидуальных мнений (δόξα). В «О революции» Арендт подчеркивает, что Французская и Американская революции привели к осознанной или как минимум неосознанной реабилитации мнения, в свое время дискредитированного Протагором и Платоном с целью придать большой вес коллективным интересам множества. Эта линия аргументации в общих чертах, хотя и с некоторыми отличиями в понимании консенсуса большинства, продолжает тезисы Руссо: последний в своей работе «Об общественном договоре» (1762) подчеркивает необходимость сосуществования различных мнений в парламенте, предостерегая от опасностей, к которым приводит формирование больших политических союзов, создаваемых с целью пропаганды одного мнения как единственно возможной истины. В случае с революцией 1989 года недооценку публичного мнения следует рассматривать не только в историческом контексте событий в Румынии: ее важные причины лежат в иной области, а именно в сфере коммуникации. В этой связи нетрудно заметить существенные различия между Румынской революцией и более недавними революциями в Тунисе и на Украине. Мы поясним их в ходе дальнейшего анализа.

Даже из актуальной перспективы 2018 года, позволяющей рассматривать Арабские революции на фоне последующих преобразований в затронутых ими странах, Тунисская революция представляется не только первой, но и, пожалуй, единственной революцией «арабской весны», отвечающей большинству критериев Арендт. Постреволюционное правительство в Тунисе смогло объединить в себе представителей разных социальных групп, отстаивающих отличные друг от друга (экономические, религиозные и др.) мнения и интересы. Более того, коалиционная структура правительства не изменилась и в результате следующих выборов; в частности, удалось избежать политического вмешательства военных, как это произошло в Египте. С другой стороны, начальная стадия революции в Тунисе,

5. Новый президент Ион Илиеску, бывший член Коммунистической партии, вышедший из нее задолго до Румынской революции, одержал на выборах 1990 года сокрушительную победу с результатом 85 % голосов. Последовавшие за выборами гражданские протесты были подавлены правительством.

вопреки идее Арендт о первичности политических проблем перед решением «социального вопроса», была отмечена гражданскими протестами, вызванными как минимум двумя конкретными социальными проблемами — высокими ценами на еду и безработицей, в особенности среди молодежи. При этом хорошо известное трагическое событие, послужившее катализатором для «жасминовой революции», — самоожжение торговца фруктами Мохаммеда Буазизи — было вызвано не только социальными, но и политическими причинами⁶. К самоубийству Буазизи подтолкнуло ощущение беспомощности и бесперспективности его попыток донести свое мнение до местного правительства: его поступок, по сути, стал символом несправедливости, которую он ощущал. Эту же несправедливость, т. е. неспособность повлиять на социальную и политическую ситуацию в собственной стране, ощущали и публично осуждали многие граждане страны, в том числе и абсолютное большинство тунисских юристов, принявших участие в последующей национальной забастовке и протестах. Значительный масштаб последних был, с одной стороны, результатом их координации в социальных сетях, а с другой — объяснялся неудачными попытками правительства силой подавить начальные протесты. После бегства президента Бена Али 14 января 2011 года по стране прокатилась новая волна протестов, вызванных недостаточными политическими реформами. Протесты завершились лишь в марте, после роспуска правящей партии и объявления о выборах в конституционную ассамблею. В этом отношении Тунисская революция, согласно критериям Арендт, представляется более успешной в сравнении с Румынской — не потому, что она способствовала решению «социального вопроса» (в краткосрочной перспективе это было бы в любом случае невозможно), а по причине ее важных политических и юридических последствий, включающих и увеличение свободы политического действия граждан Туниса.

Как и в случае с «жасминовой революцией», причины украинского Евромайдана (ноябрь 2013 — февраль 2014 года) лежат сразу в двух областях, т. е. связаны как с социальными, так и с политическими проблемами. Одним из важных факторов, способствовавших началу первой волны протестов, стал отказ президента Виктора Януковича подписывать договор об ассоциации с Европейским союзом. В глазах протестующих это соглашение, точное содержание которого было известно гораздо более узкому кругу людей, имело не только политическое значение, т. е. являлось шансом на дальнейшую интеграцию с Европой, но и играло важную экономическую роль — в качестве возможного инструмента решения социальных проблем. Первоначально мирные протесты вскоре столкнулись с попытками их силового подавления, лишь поспособствовавшими их продлению и постепенному расширению. Подобно многим другим недавним революциям, революция на Украине закончилась отставкой президента и формированием промежуточного пра-

6. О том, что для граждан Туниса социальные (экономические) и политические проблемы представляются в равной степени важными, свидетельствуют и данные социальных опросов. Так, в ходе опросов 2014 года 24–27% жителей страны назвали социальную поддержку и защиту прав человека наиболее важными задачами демократического правительства (см.: Benstead et al., 2014).

вительства. По окончании активной фазы Евромайдана было объявлено о начале политических и социальных реформ, многие из которых на настоящий момент по-прежнему не осуществлены, даже несмотря на то обстоятельство, что многие известные участники Евромайдана по результатам следующих выборов получили места в Верховной раде, дающие им возможность реализовать свои планы. Кроме того, события Евромайдана дали новую пищу уже существовавшим разногласиям между восточной и западной частями страны, вылившимся в протесты, а затем и в вооруженный конфликт в Донецкой и Луганской областях. Из современной перспективы всесторонняя оценка событий на Украине представляется возможной лишь в ограниченной степени — не только по причине того, что многие начавшиеся во время или сразу после Евромайдана и непосредственно связанные с ним события (политический конфликт вокруг Крыма, вооруженный конфликт на востоке Украины) по-прежнему не завершились, но и потому, что пока неясны результаты объявленных политических реформ, многие из которых отложены или пересмотрены в свете продолжающегося военного конфликта. И хотя политический курс Украины пока не имеет однозначного направления, соединяя в себе демократические, олигархические и радикально-националистические элементы, мы без сомнения можем говорить о Евромайдане как об одном из центральных примеров современных революций⁷.

Описанные выше примеры проливают свет на сильные места, но также и на пробелы в арендтовском анализе революций. Одной из ключевых проблем является несоответствие предложенного Арендт определения революции современному языковому употреблению этого слова, а также многим принятым академическим трактовкам. Хотя даже расширенный список соответствующих критериям Арендт исторических примеров и без того довольно короток, многие исследователи утверждают, что в него нельзя включать мирные революции, в частности, революцию 1989–1990 года в ГДР⁸, хотя причины и основные цели этой революции совпадают с упомянутыми в работах Арендт. Впрочем, эти требования нельзя считать обоснованными, поскольку они противоречат предложенному Арендт определению насилия, а также введенному ею различию между освобождением и свободой. Отсутствие физического насилия в ходе «фазы освобождения» доказывает лишь, что текущее правительство обладает достаточной властью, чтобы преодолеть кризис без насильственного подавления протестов: выбирая силовой ответ, наблюдаемый нами на примере Румынии, Туниса и Украины, правительство, по

7. Как и в случае с Румынией, в обсуждении событий на Украине многие политики и политологи, в особенности в России, намекали на искусственную природу революции, трактуя ее скорее как государственный переворот (т. е. подчеркивая тем самым ее намеренный характер: ср. Арендт, 2014: 17–18). Тем не менее в пользу этой теории до сих пор не было представлено убедительных доказательств. Сама Арендт всегда крайне скептически относилась к подобным трактовкам, ставящим своей целью продемонстрировать, что революции всегда «устраиваются» кем-то извне (см.: Арендт, 2014: 57).

8. Эта проблема неоднократно упоминалась исследователями (см., например: Bäckler, 1994: 117). Вопрос о возможности ненасильственной революции впервые был поднят Ноамом Чомски в ходе дебатов с Арендт и Сьюзен Сонгаг: Chomsky et al., 1967.

сути, демонстрирует собственную слабость, не оставляя себе иных вариантов для решения проблемы⁹. Из выбранной Арендт перспективы можно предложить два объяснения отсутствию насилия в ходе революции: 1) протестующие опасаются спровоцировать правительство на применение насилия или 2) правительство утрачивает власть в такой степени, что его приказам перестают подчиняться армия и полиция (см.: Арендт, 2014: 57–58)¹⁰. В ходе революции может также применяться нефизическое насилие, направленное против государственной системы и политических институтов и противоположное таким «сущностно» мирным занятиям, «как мышление и труд» (Арендт, 2014: 19). Такое насилие может выражаться словесно или, как было упомянуто ранее, проявляться в публичных актах гражданского неповиновения. К сожалению, Арендт не развивает эти аргументы и тем самым не до конца проясняет вопрос о связи между насилием — а также его отсутствием — и революциями.

Недостаточно внимания Арендт уделяет и вопросу о том, где пролегает порой трудноразличимая граница между революцией и гражданской войной: в своих работах она не проводит четкого разграничения между ними, характеризуя гражданскую войну как возможное (и весьма вероятное, как мы видим даже на примерах Французской, Американской и Октябрьской революций) следствие революции, но не поясняя, в какой момент революция превращается в полноценный вооруженный конфликт. Более того, многие ее аргументы, касающиеся насилия, тесно связывают революции с гражданскими войнами, делая указанное разделение практически невыполнимой задачей.

Следующая проблема, а именно уже упомянутая недооценка социальных мотивов революционных протестов, заметная на современных примерах революций в Тунисе и на Украине, представляет собой хорошо известный исследователям недостаток теории Арендт. С одной стороны, трудно оспаривать аргумент Арендт о том, что экономические требования тесно связаны с благосостоянием отдельного человека (или его *oikos*, о котором Арендт пишет во второй главе своей работы «*Vita activa*») и не должны смешиваться с проблемами, характерными для публичного пространства. С другой стороны, мы видим, что в определенных обстоятельствах социальные требования могут принять политический характер. Недостаток продуктов питания и других предметов первой необходимости вынуждает заниматься тяжелым трудом, лишая человека времени и возможности свободно выбирать себе занятие. И хотя невозможность вырваться из этого бесконечного цикла (получить более высокую зарплату, найти лучшую работу, донести свои требования до представителей власти и т. д.) вовсе не обязательно превращает человека в политического активиста, недостаток свободы может побудить его критически пересмотреть свое социальное положение и подумать об альтернативах — не только для самого себя, но и для друзей, коллег или знакомых, составляющих его круг

9. Подробнее об оппозиции насилия и власти см.: Арендт 2014: 54–67.

10. Если среди полицейских или военных возникают разногласия, это может привести к вспышке физического насилия, а в некоторых случаях и к началу гражданской войны.

общения. Тем самым социальный вопрос, как вопрос о частном благосостоянии, может превратиться в проблему благосостояния социальной группы в государстве, а затем и в проблему государства в целом.

Важной отличительной чертой мышления Арендт является его подчеркнутая актуальность. Ее стремление понять специфические социальные и политические тенденции настоящего времени в свете трансформаций прошлого помогает Арендт описывать современные ей феномены. Однако те же самые аспекты подвергают ее аргументы неизбежному риску стремительного устаревания вследствие культурных, социальных и политических изменений. Подобной судьбы на первый взгляд не избегает арендтовская идея о характерном для начальной стадии революций формировании местных советов. Учитывая то, как развивались события в Тунисе и на Украине, мы можем спросить себя, не следует ли пересмотреть аргумент Арендт с учетом современных форм и инструментов коммуникации? Не будет ли, например, более уместным говорить о сообществах, возникающих на базе социальных сетей? Впрочем, если мы перенесем наше внимание с узкого вопроса о политической роли локальных советов на арендтовскую идею политической организации индивидов как необходимой предпосылки коллективного действия, мы увидим, что сама Арендт смогла бы описать новые способы коммуникации и политического действия с помощью своих собственных терминов, таких как «пространство видимости» (*space of appearance*) и «согласованное действие» (*acting in concert*). Более того, поднятая выше проблема способна помочь нам установить новую связь между теориями мышления и действия у Арендт.

Следует отметить, что коммуникативная и организационная роль социальных сетей (таких как «Фейсбук» и «Твиттер») как нового публичного пространства, с одной стороны, несколько переоценивается во многих исследованиях революций в Тунисе и на Украине¹¹, а с другой, напротив, недооценивается и, как правило, обходится стороной в арендтоведении. Чтобы сделать этот аспект продуктивным для анализа современных революций, нам следует обратиться к арендтовской концепции мнения, сформировавшейся в полемике с Платоном и Аристотелем (см. в особенности: Arendt, 2004), связав ее с идеями сообщества, мышления и действия. Выражаясь языком Арендт, политическая роль социальных сетей состоит в создании широкого круга индивидуальных мнений, доступных широкой публике¹². С одной стороны, завоевание поддержки определенного сообщества часто

11. Впрочем, в некоторых аспектах эти исследования, наоборот, недооценивают специфическую роль социальных сетей в Восточной Европе (в особенности на Украине и в России), более часто используемых в качестве платформ для политических дебатов в сравнении со странами Западной Европы.

12. Хотя для Арендт более важно подчеркнуть публичную роль мнения, в отличие от истины разума и истины факта, она подчеркивает, что последняя играет ключевую роль в политической сфере, выступая гарантом того, что мнения основаны на свидетельствах, т.е. представляют собой точное отражение событий и обстоятельств, касающихся множества индивидов. В своем эссе «Истина и политика» она утверждает, что, в то время как мнения «вдохновлены различными интересами и стремлениями» и тем самым существенно отличаются друг от друга, «свобода мнения становится фарсом,

позволяет привлечь внимание политиков и традиционных СМИ, так что в некоторых случаях частные мнения изначально непубличных личностей могут иметь долгосрочные следствия, становясь стимулом политических действий. С другой стороны, отдельные высказывания политиков, интерпретируемые традиционными СМИ, далеко не всегда представляющими весь спектр мнений, в социальных сетях становятся предметом широкой публичной дискуссии, напоминающей нам о греческом состязании (ἀγών) между индивидуальными мнениями, каждое из которых не отрицает остальные¹³. Расширение публичной сферы посредством социальных сетей, в свою очередь, помогает уменьшить разрыв между мышлением и действием. Детальное исследование основных следствий этого феномена из арендтовской перспективы могло бы по-новому осветить давний вопрос об отношении между двумя главными элементами философии Арендт.

Литература

- Арендт Х. (1996). Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. И. В. Борисовой и др. под ред. М. С. Ковалевой и Д. М. Носова. М.: ЦентрКом.
- Арендт Х. (2000). Vita activa, или О деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В. В. Бибикина. СПб.: Алетейя.
- Арендт Х. (2011). О революции / Пер. с англ. И. В. Косича. М.: Европа.
- Арендт Х. (2014). О насилии / Пер. с англ. Г. М. Дашевского. М.: Новое издательство.
- Арендт Х., Шмид К. (2016). Право на революцию: разговор между профессором Карло Шмидом и философом Ханной Арендт / Пер. с нем. А. Саликова // Социологическое обозрение. Т. 15. № 1. С. 56–74.
- Саликов А. (2016). Предисловие к публикации «Право на революцию» // Социологическое обозрение. Т. 15. № 1. С. 54–55.
- Arendt H. (1965). *Über die Revolution*. München: Piper.
- Arendt H. (1968). *Between Past and Future: Eight Exercises in Political Thought*. New York: Viking Press.
- Arendt H. (2004). *The Promise of Politics*. New York: Schocken Books.
- Bäcker R. (1994). *The Collapse of Communism and Theoretical Models* // Krygier M. (ed.). *Marxism and Communism: Posthumous Reflection on Politics, Society and Law*. Amsterdam/Atlanta: Rodopi. P. 111–120.

если не гарантирована фактическая информация, а сами факты являются предметом спора» (Arendt, 1968: 238).

13. Разумеется, вполне очевидно, что политическая роль социальных сетей далеко не всегда положительна. Социальными и политическими дебатами в интернете можно манипулировать, намеренно радикализируя их, а сетевые «сообщества» способны изолировать себя от других, препятствуя дискуссии и возникновению альтернативных мнений по определенным темам и отстаивая монополию единственного мнения как «объективной» истины. Описанные выше сценарии полностью противоречат идее Арендт о публичном пространстве как сфере сосуществования различных индивидуальных мнений.

- Behnhabib S.* (1996). *The Reluctant Modernism of Hannah Arendt*. London: SAGE.
- Benstead L., Lust E., Malouche D., Wichmann J.* (2014). *Tunisian Elections Bring Hope in Uncertain Times* // *Washington Post*. 27.10.2014. URL: <https://www.washingtonpost.com/blogs/monkey-cage/wp/2014/10/27/tunisian-elections-bring-hope-in-uncertain-times/> (дата доступа: 26.02.2018).
- Bernstein R.* (1986). *Rethinking the Social and the Political* // *Bernstein R. Philosophical Profiles: Essays in a Pragmatic Mode*. Cambridge: Polity Press. P. 238–259.
- Bowman P., Stamp R.* (2011). *Introduction* // *Bowman P., Stamp R.* (ed.). *Reading Rancière*. New York: Continuum. P. 1–18.
- Chomsky N.* (1967). *The Legitimacy of Violence as a Political Act? Noam Chomsky Debates with Hannah Arendt, Susan Sontag et al.* URL: <https://chomsky.info/19671215> (дата доступа: 26.02.2018).
- Herzog A.* (2017). *The Concept of Violence in the Work of Hannah Arendt* // *Continental Philosophy Review*. Vol. 50. № 2. P. 165–179.
- Hutter R.* (2015). *Revolution und Legitimation: Die politische Instrumentalisierung des Umbruchs 1989 durch die Postkommunisten in Rumänien*. Berlin: Frank & Timme.
- Kim M. K.* (2013). *Rethinking Arendt's Constitutional Thought on Violence and the Social Question* // *Teoria politica*. Vol. 3. P. 395–404.
- Moruzzi N. C.* (2000). *Speaking Through the Mask: Hannah Arendt and the Politics of Social Identity*. Ithaca: Cornell University Press.
- Pitkin H. F.* (1981). *Justice: On Relating Private and Public* // *Political Theory*. Vol. 9. № 3. P. 327–352.
- Salikov A., Zhavoronkov A.* (2017). *The Public Realm and Revolution: Hannah Arendt Between Theory and Praxis* // *Estudos Ibero-Americanos*. Vol. 43. № 3. P. 513–523.
- Siani-Davies P.* (2005). *The Romanian Revolution of December 1989*. Ithaca: Cornell University Press.

The Revolutionary Transformation of the Public Realm: An Arendtian Perspective

Alexey Salikov

PhD, leading research fellow, Centre for Fundamental Sociology, National Research University Higher School of Economics

Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: dr.alexey.salikov@gmail.com

Alexey Zhavoronkov

PhD, senior research fellow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

Address: Goncharnaya str., 12/1, Moscow, Russian Federation 109240

E-mail: outdoors@yandex.ru

The paper examines the relation between the public realm and revolution, the two central concepts of Hannah Arendt's political philosophy. This relation plays a key role in Arendt's theory of revolution, since the key purpose of a revolution is the liberation from oppression and the achievement of freedom, and the destruction of an old political realm and the creation of a new one, both of which are needed for the manifestation of free action. The main goal of our study is to analyze Arendt's idea of the influence of revolutions on the public realm by examining its theoretical and practical scopes. In order to verify the conclusions concerning the actual applicability of Arendt's theory of revolution, we analyze several cases of modern revolutions from that standpoint. Arendt's arguments concerning the causes of the failures of revolutions, made on the basis of several historical examples of revolutions from the 18th to the mid-20th century, are largely justified, even though these arguments still can be challenged to some extent. On the other hand, the analysis of the concrete examples demonstrates the limits of the applicability of this theory as a model of a description of contemporary revolutions. Although the theory has a number of significant advantages, it is still in need of considerable revision.

Keywords: Hannah Arendt, revolution, public realm, violence, social question, communication

References

- Arendt H. (1965) *Über die Revolution*, München: Piper.
- Arendt H. (1968) *Between Past and Future: Eight Exercises in Political Thought*, New York: Viking Press.
- Arendt H. (1996) *Istoki totalitarizma* [The Origins of the Totalitarianism], Moscow: CentrKom.
- Arendt H. (2000) *Vita activa, ili O dejatel'noj zhizni* [The Human Condition], Saint Petersburg: Aleteya.
- Arendt H. (2004) *The Promise of Politics*, New York: Schocken Books.
- Arendt H. (2011) *O revoljucii* [On Revolution], Moscow: Europa.
- Arendt H. (2014) *O nasilii* [On Violence], Moscow: Novoe izdatelstvo.
- Arendt H., Schmid K. (2016) Pravo na revoljuciju. Razgovor mezhdu profesorom Karlo Shmidom i Hannoj Arendt (1965) [Das Recht auf Revolution: Gespräch zwischen Prof. Dr. Carlo Schmid und der Philosophin Hannah Arendt (1965)]. *Russian Sociological Review*, vol. 15, no 1, pp. 56–74.
- Bäcker R. (1994) The Collapse of Communism and Theoretical Models. *Marxism and Communism: Posthumous Reflection on Politics, Society and Law* (ed. M. Krygier), Amsterdam/Atlanta: Rodopi, pp. 111–120.
- Behnhabib S. (1996) *The Reluctant Modernism of Hannah Arendt*, London: SAGE.
- Benstead L., Lust E., Malouche D., Wichmann J. (2014) Tunisian Elections Bring Hope in Uncertain Times. *Washington Post*, 27.10.2014. Available at: <https://www.washingtonpost.com/blogs/monkey-cage/wp/2014/10/27/tunisian-elections-bring-hope-in-uncertain-times/> (accessed 26 February 2018).
- Bernstein R. (1986) Rethinking the Social and the Political. *Philosophical Profiles: Essays in a Pragmatic Mode*, Cambridge: Polity Press, pp. 238–259.
- Bowman P., Stamp R. (2011) Introduction. *Reading Rancière* (eds. P. Bowman, R. Stamp), New York: Continuum, pp. 1–18.
- Chomsky N. (1967) The Legitimacy of Violence as a Political Act? Noam Chomsky debates with Hannah Arendt, Susan Sontag et al. Available at: <https://chomsky.info/19671215> (accessed 26 February 2018).
- Herzog A. (2017) The Concept of Violence in the Work of Hannah Arendt. *Continental Philosophy Review*, vol. 50, no 2, pp. 165–179.
- Hutter R. (2015) *Revolution und Legitimation: Die politische Instrumentalisierung des Umbruchs 1989 durch die Postkommunisten in Rumänien*, Berlin: Frank & Timme.
- Kim M. K. (2013) Rethinking Arendt's Constitutional Thought on Violence and the Social Question. *Teoria politica*, vol. 3, pp. 395–404.
- Moruzzi N. C. (2000) *Speaking Through the Mask: Hannah Arendt and the Politics of Social Identity*, Ithaca: Cornell University Press.
- Pitkin H. F. (1981) Justice: On Relating Private and Public. *Political Theory*, vol. 9, no 3, pp. 327–352.
- Salikov A., Zhavoronkov A. (2017) The Public Realm and Revolution: Hannah Arendt between Theory and Praxis. *Estudos Ibero-Americanos*, vol. 43, no 3, pp. 513–523.
- Siani-Davies P. (2005) *The Romanian Revolution of December 1989*, Ithaca: Cornell University Press.